

◆ ВСЕМИРНАЯ
ЛИТЕРАТУРА ◆

КИР
БУЛЫЧЕВ

Поселок

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б90

Оформление серии *Н. Ярусовой*

Булычев, Кир.
Б90 Поселок / Кир Булычев. — Москва : Эксмо, 2024. —
384 с. — (Всемирная литература (с картинкой)).

ISBN 978-5-04-196902-8

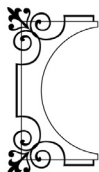
Кир Булычев (1934–2003) — один из известнейших советских писателей-фантастов, ученый-востоковед, сценарист и драматург.

Роман «Поселок» — увлекательная «робинзонада» потомков потерпевших кораблекрушение на другой планете, вынужденных устраиваться на неродной планете, сосуществовать с местной природой и поддерживать остатки земной цивилизации.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

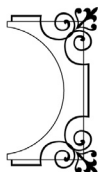
ISBN 978-5-04-196902-8

© Булычев К., наследники, 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

Часть I

ПЕРЕВАЛ

Глава I

В доме было сыро, мошка толклась у светильника, давно надо бы его погасить, мать, конечно, за- была, но на улице дождь, полутьма. Олег валялся на койке — недавно проснулся. Ночью он сторожил поселок: гонял шакалов, они целой стаей лезли к сараю, чуть самого не задрали. В теле были пустота и обыкновенность, хотя сам от себя он ждал волнения, может, страха. Ведь пятьдесят на пятьдесят — вернешься или не вернешься. А если пятьдесят в квадрате? Должна быть закономерность, должны быть таблицы, а то вечно изобретаешь велосипед. Кстати, все собирался спросить старого, что такое велосипед. Парадокс. Велосипеда нет, а Старый укоряет им, не задумываясь о смысле фразы.

На кухне закашляла мать. Она, оказывается, дома.

— Ты чего не пошла? — спросил он.

— Проснулся? Супу хочешь? Я согрела.

— А кто за грибами ушел?

— Марьяна с Диком.

— И все?

— Может, кто из ребят увязался.

Могли бы и разбудить, позвать. Марьяна не обещала, но было бы естественно, если бы позвала.

— Есть не хочется.

— Если дожди не кончатся, — сказала мать, — до холодов огурцы не вызреют. Все плесенью зарастет.

Мать вошла в комнату, разогнала ладонью мошку, задула светильник. Олег смотрел в потолок. Желтое пятно плесени увеличилось, изменило форму. Еще вчера оно было похоже на профиль Вайткуса: нос картошкой. А сегодня нос раздулся, как будто ужалила оса, и лоб выгнулся горбом. Дику в лесу неинтересно. Чего ему грибы собирать? Он охотник, степной человек, сам же всегда говорил.

— Мошки много, — уронила мать, — холодно ей в лесу.

— Нашла кого жалеть.

Дом был поделен пополам, на другой половине жили Старый и близнецы Дуровы. Он их взял к себе, когда старшие умерли. Близнецы всегда хворали: один выздоровеет, другой простудится.

Если бы не их ночное нытье, Олег никогда бы не согласился дежурить по ночам. Вот и сейчас слышно было, как они хором захныкали. Невнятный, далекий, привычный, как ветер, монолог Старого оборвался, заскрипела скамейка. Старый пошел на кухню, и тут же загалдели его ученики.

— И куда тебе идти? — сказала мать. — Не дойдете же! Хорошо еще, если целыми вернетесь!

Сейчас мать заплачет. Она теперь часто плачет. По ночам бормочет, ворочается, потом начинает тихо плакать — можно догадаться, потому что шмыгает носом. Или начинает шептать, как заклинание: «Я не могу, я больше не могу! Пускай я лучше умру...» Олег, если слышит, замирает: показать, что не спит, стыдно, как будто подсмотрел то, что видеть нельзя. Олегу стыдно сознаваться, но он не жалеет мать. Она плачет о том, чего для Олега нет. Она плачет о странах, которые увидеть нельзя, о людях, которых здесь не было. Олег не помнит

мать иной — только такой, как сегодня. Худая, жилистая женщина, пегие прямые волосы собраны сзади в пук, но всегда выбиваются и падают тяжелыми прядями вдоль щек, и мать дует на них, чтобы убрать с лица. Лицо красное, в оспинках от перекасти-поля, под глазами темные мешки, а сами глаза слишком светлые, как будто выпвели. Мать сидит за столом, вытянув жесткими ладонями вниз мозолистые руки. Ну плачь же, чего ты? Сейчас достанет фотографию... правильно, подвинула к себе коробку, открывает, достает фотографию.

За стеной Старый уговаривает близнецов поесть. Близнецы хнычут. Ученики гомонят, помогают Старому кормить малышей. Ну как будто самый обыкновенный день, как будто ничего не случилось. А что они делают в лесу? Скоро полдень. С обеда выходить, пора бы им возвращаться. Мало ли что может случиться с людьми в лесу?

Мать разглядывает фотографию. Там она и отец. Олег тысячу раз видел эту фотографию и старался угадать в себе сходство с отцом. И не смог. Отец белокурый, курчавый, губы полные, подбородок раздвоенный вперед. Улыбается. Мать говорит, что он всегда улыбался. Вот Олег с матерью больше похожи, не с сегодняшней, а с той, что на фотографии рядом с отцом. Черные прямые волосы и тонкие губы. Широкие, круглые, дугами брови, под ними ярко-голубые глаза. И белая кожа с сильным румянцем. Олег тоже легко краснеет. И губы у него тонкие, и черные волосы, как у матери на фотографии. Отец с матерью молодые и очень веселые. И яркие. Отец в мундире, а мать в платье без плеч. Называется сарафаном. Тогда, двадцать лет назад, Олега еще не было. А шестнадцать лет назад он уже был.

— Мать, — попросил Олег, — не надо, чего уж.

— Я не пушу тебя, — ответила мать. — Не отпущу, и все. Через мой труп.

— Мать, — Олег сел на койке, — хватит, а? Я лучше супа поем.

— Возьми на кухне. Он еще не остыл.

Глаза мокрые. Она все-таки плакала, словно хоронила Олега. Хотя, может быть, плакала по отцу. Эта фотография была для нее человеком. А Олег отца совершенно не помнил, хотя старался вспомнить.

Он поднялся и пошел на кухню. На кухне был Старый. Он разжигал плиту.

— Я помогу, — предложил Олег. — Воду вскипятить?

— Да, — отозвался Старый, — спасибо. А то у меня урок. Ты ко мне приди потом.

* * *

Марьяна набрала полный мешок грибов. Ей повезло. Правда, пришлось идти далеко, к ущелью. С Олегом она бы никогда не решилась пойти так далеко, а с Диком чувствовала себя спокойно, потому что Дик себя чувствовал спокойно. Везде. Даже в лесу. Хотя больше любил степь. Он был охотник, как будто родился охотником, но на самом деле он родился раньше, чем построили поселок.

— А ты в лесу как дома, — сказал Дик.

Он произнес это громко. Дик шел впереди и чуть сбоку. Куртка мехом наружу сидела на нем, как собственная кожа. Он сам сшил себе куртку. Мало кто из женщин в поселке смог бы так сшить.

Лес был редкий, корявый, деревья вырастали здесь чуть выше человеческого роста и начинали клонить вершины в стороны, словно боялись высунуться из массы соседей. И правильно. Зимние ветры быстро отламывают верхушку. С иголок капало. Дождь был холодным, у Марьяны замерзла рука, в которой она несла мешок с грибами. Она переложила мешок в другую руку. Грибы зашевелились в мешке, заскрипели. Болела ладонь.

Она занозила ее, когда откапывала грибы. Дик вытащил занозу, чтобы не было заражения. Неизвестно, что за иголка. Марьяна глотнула горького противоядия из бутылочки, что всегда висела на шее.

У белых толстых скользких корней сосны Марьяна заметила фиолетовое пятнышко.

— Погоди, Дик, — сказала она, — там цветок, которого я еще не видела.

— Может, обойдешься без цветов? — спросил Дик. — Домой пора. Мне что-то здесь не нравится. — У Дика был особенный нюх на неприятности.

— Одну секунду, — ответила Марьяна и подбежала к стволу.

Ноздреватая мягкая голубоватая кора сосны чуть пульсировала, накачивая воду, и корни вздрагивали, вытягивали пальцы, чтобы не упустить ни одной капли дождя.

Это был цветок. Обыкновенный цветок, фиалка. Только куда гуще цветом и крупнее тех, что росли у поселка. И шипы длиннее. Марьяна резко выдернула фиалку из земли, чтобы цветок не успел зацепиться корнем за сосну, и через секунду фиалка уже была в мешке с грибами, которые зашебурились и заскрипели так, что Марьяна даже засмеялась. И потому не сразу услышала крик Дика:

— Ложись!

Она сообразила, прыгнула вперед, упала, вжалась в теплые пульсирующие корни сосны. Но чуть опоздала. Лицо горело, как будто по нему хлестнули кипятком.

— Глаза! — кричал Дик. — Глаза целы?

Он дернул Марьяну за плечи, оторвал от корней ее судорожно сжатые болью пальцы, посадил.

— Не открывай глаз, — приказал он и быстро принялся вытаскивать из лица маленькие тонкие иголки. И приговаривал сердито: — Дура, тебя в лес пускать нельзя. Слушать надо. Больно, да?

Неожиданно он навалился на Марьяну и прижал к корням.

— Больно же!

— Еще один прилетел, — сказал он, поднимаясь.

Два шарика перекасти-поля пролетели метрах в трех. Тугие, сплетенные из иголочек-семян, но легкие как воздух, потому что пустые внутри, они будут летать, пока не ударятся ненароком о дерево или не налетят от порыва ветра на скалу. Миллион шаров погибнет зря, а один найдет своего медведя, утыкает иголками теплую шкуру, и пойдут от иголочек молодые побеги. Они очень опасны, эти шары, и в сезон созревания надо быть осторожным в лесу, а то потом на всю жизнь останутся отметины.

— Ну ничего, — успокоил Дик, — больше иголок не осталось. И в глаз не попало. Это главное — чтобы в глаз не попало.

— А много ранок? — спросила Марьяна тихо.

— Не пропадет твоя красота, — сказал Дик. — Теперь домой скорей, пускай Эгли смажет жиром.

— Да, конечно. — Марьяна провела ладонью по щеке. Дик заметил, ударил по руке.

— Грибы хватала, цветов брала. Психованная ты какая-то. Инфекцию занесешь.

Грибы тем временем выбрались из мешка, расползлись между корней, и некоторые даже успели до половины закопаться в землю. Дик помог Марьяне собрать их. А фиалку они так и не нашли. Потом Дик отдал Марьяне мешок, он был легкий. Дик не хотел занимать руки. В лесу решают секунды, и руки охотника должны быть свободны.

— Посмотри, — произнесла Марьяна, принимая мешок. Ее прохладная узкая кисть с обломанными ногтями задержалась на руке Дика. — Я очень изуродована?

— Смешно, — сказал Дик, — у всех на лице точки. И у меня. Я изуродован? Это татуировка нашего племени.

— Татуировка?

— Забыла? Старый учил нас по истории, что дикие племена себя специально так украшали. Как награда.

— Так это дикари, а мне больно.

— Мы тоже дикари.

Дик уже шел вперед. Не оборачивался. Но Марьяна знала, что он все слышит. У него слух охотника. Марьяна перепрыгнула через серый стебель лианы-хищницы.

— Потом чесаться будет, спать невозможно. Главное — не расчесывать. Тогда следов не останется. Только все расчесывают.

— Я не буду, — сказала Марьяна.

— Во сне забудешь и расчешешь.

Дождь пошел сильнее, волосы прилипли к голове, и капли срывались с ресниц, мешали смотреть, но щекам было приятно от холодной воды. Марьяна подумала, что Дика надо подстричь, а то волосы до плеч мешают. Плохо, что он живет один. Все живут семьями, а он один. С тех пор как его отец умер, так и живет. Привык уже.

— Ты что-то чувствуешь? — спросила Марьяна, увидев, что Дик пошел быстрее.

— Да, — бросил он, — звери. Наверное, шакалы. Стая.

Они побежали, но в лесу трудно было бежать. Те, кто бегают не глядя, попадают на обед лиане или дубу. Грибы бились в мешке, но Марьяна не хотела их выкидывать. Уже скоро будет вырубка, а потом поселок. Там, у изгороди, кто-нибудь обязательно дежурит. Она увидела, как Дик достал из-за пояса нож и перехватил удобнее арбалет. Она тоже вытащила нож из-за пояса, но ее нож узкий, тонкий, он хорош, чтобы резать лианы или откапывать грибы. А если тебя догоняет стая шакалов, то нож не поможет, лучше взять палку.

Олег доел суп, поставил кастрюлю с гущей повыше, на полку. Ученики простучали босыми пятками по глинобитному полу, и сквозь бойницу в стене Олег видел, как они, выскакивая из двери, прыгали в громадную лужу, набравшуюся за последние дни. Брызги во все стороны! Потом кто-то из них крикнул: «Червяк!» И они сгрудились в кучу, ловя червяка, а его розовый хвост высунулся из воды и хлестал учеников по ногам. Рыжая Рут — дочка Томаса — завопила: видно, червяк угодил ей по голой руке жгучей присоской; ее мать высунулась из дома напротив и кричала:

— Вы с ума сошли! Кто же лезет в воду! Так без рук можно остаться! Немедленно домой!

Но ученики решили вытащить червяка наружу, и Олег знал почему. Тогда червяк меняет цвет, становится то красным, то синим, это очень интересно, только интересно им, а не матерям, которые панически боятся червяков, безвредных и трусливых тварей.

Линда, жена Томаса, стояла на краю лужи и звала дочь, а Олег, предупредив вопрос матери, произнес:

— Сейчас приду.

А сам вышел на улицу и посмотрел в конец ее, к воротам в изгороди, возле которых стоял Томас с арбалетом в руке. В позе Томаса было напряжение. «Неладно, — сказал себе Олег. — Неладно, я же так и думал. Дик ее завел куда-то далеко, и там что-то случилось. Дик не понимает, что она совсем другая, не такая, как он, и ее надо уберечь».

Ребята тащили червяка наружу, он уже стал почти черным, никак не мог приспособиться к плену. Тут рыжую Рут тоже взяли в плен, и Линда потащила ее домой. Олег побежал к изгороди и на бегу сообразил, что не взял арбалета и поэтому пользы от него никакой.

— Что? — спросил он Томаса.

Тот, не оборачиваясь, кинул:

— По-моему, шакалы опять шляются. Стая.

— Та же, что и ночью?

— Не знаю. Раньше они днем не ходили. А ты Марьяну ждешь?

— Они с Диком за грибами пошли.

— Я знаю, я их сам выпускал. Да ты не волнуйся. Если с Диком, то ничего не будет. Он прирожденный охотник.

Олег кивнул. Томас не хотел обижать Олега. Просто так получилось, что Дик надежнее: Дик охотник, а он, Олег, не очень охотник. Как будто быть охотником — высшее достижение человечества.

— Я, конечно, понимаю, — улыбнулся вдруг Томас. Он опустил арбалет и прислонился спиной к столбу ограды. — Но это вопрос приоритета. В небольшом обществе, скажем, подобном нашему, способности, к примеру математические, отступают на шаг по шкале ценностей в сравнении с умением убить медведя, что несправедливо, но объяснимо.

Улыбка у Томаса была вежливая, длинные губы гнулись в углах, словно не помещались на лице. Лицо было темным, все в глубоких морщинах, а глаза еще темнее лица. И белки желтые. У Томаса большая печень. Может, от этой болезни он стал совсем лысый и часто кашлял. Но Томас был выносливым и лучше всех знал дорогу к перевалу.

Томас вскинул арбалет и, не прицеливаясь, выпустил стрелу. Олег кинул взгляд туда, куда, взвизгнув, метнулась стрела. Шакал не успел увернуться. Он выпал из кустов, словно кусты держали его на весу, а теперь выпустили. Он рухнул на луг и, дернувшись, затих.

— Выстрел мастера, — сказал Олег.

— Спасибо. Надо оттащить, пока воронье не налетело.

— Я притащу, — предложил Олег.

— Нет, он не один. Лучше сбегай за своим арбалетом. Если ребята будут возвращаться, им придется сквозь стаю идти. Сколько шакалов в стае?

— Я шесть штук ночью насчитал.

Черная пасть шакала была разинута, белая шерсть торчала иглами.

Олег повернулся, чтобы бежать за арбалетом, но его задержал свист Томаса. Свист громкий, в любом углу поселка слышно.

Остановиться? Нет, лучше за арбалетом! Это одна минута.

— Что там? — Мать стояла в дверях.

Он оттолкнул ее, схватил со стены арбалет, чуть не вырвал крюк. Где стрелы? Под столом? Близнецы, что ли, утащили?

— Стрелы за плитой, — сказала мать. — Что случилось? Что-нибудь с Марьяной?

Старый выбежал с копьем. Как будешь стрелять из арбалета одной рукой? Олег обогнал Старого, на ходу вытаскивая стрелу из колчана, хотя на ходу этого делать не стоило.

Вся малышня поселка неслась к изгороди.

— Назад! — крикнул Олег грозным голосом, но никто его не послушался.

Рядом с Томасом уже стоял Сергеев, держа в руке большой лук. Мужчины напряженно прислушивались. Сергеев поднял руку без двух пальцев, приказывая тем, кто подбегал сзади, замереть.

И тогда из серой ровной стены леса донесся крик. Человеческий крик. Крик был далекий, короткий, он прервался; и наступила бесконечная тишина, потому что ни одна душа в поселке не смела дышать. Даже младенцы в колыбели замолкли. И Олег представил, нет, увидел, как там, за стеной дождя и белесых стволов, в живом,

дышащем, движущемся лесу, прижимаясь спиной к теплой и жгучей коре сосны, стоит Марьяна, а Дик, упав на колено — кровь хлещет из разорванной зубами шакала руки, — старается перехватить копые...

— Старый! — крикнул Томас. — Борис! Останешься у изгороди. Олег, беги за нами.

У леса их догнала тетя Луиза с ее знаменитым тесаком, которым она в прошлом году отогнала медведя. В другой руке она несла головешку. Тетя Луиза была большой, толстой и страшной женщиной — короткие седые космы во все стороны, балахон надулся колоколом. Даже деревья пугливо втягивали ветки и скручивали листья, потому что тетя Луиза была как злой дух, который зимой рычит в ущелье. И когда тетя Луиза споткнулась о лиану-хищницу, та, вместо того чтобы схватить жертву, спряталась за ствол, как трусливая змея.

Томас так неожиданно остановился, что Сергеев чуть не налетел на него, и, сунув два пальца в рот, свистнул. Никто в поселке не умел так оглушительно свистеть.

Когда свист прервался, Олег понял, как затаился, испугался лес человеческого топота, человеческой тревоги и гнева. Только слышно было, как тяжело дышит грузная тетя Луиза.

— Сюда! — крикнула Марьяна.

Голос ее прозвучал совсем близко. Она даже не крикнула, она позвала, как зовут с другого конца поселка. И потом, когда они побежали снова, Олег услышал голос Дика, вернее, рев, как звериный, и бешеное уханье шакала.

Олег метнулся в сторону, чтобы обогнать тетю Луизу, но перед ним возникла спина Сергеева, который не успел даже одеться, бежал в одних кожаных штанах.

Марьяна, как в видении Олега, стояла, прижавшись к мягкому белому стволу старой толстой сосны, который подался внутрь, будто старался оградить девушку. Но Дик

не упал. Дик отбивался ножом от большого шакала, который увертывался от ударов, шипя и извиваясь. Еще один шакал корчился сбоку на земле, стрела в боку. И штук пять, не меньше, сидели в ряд в сторонке, будто зрители. У шакалов есть такая странная манера. Они не нападают скопом, а ждут. Если первый не справится с добычей, за дело принимается второй. И так пока не победят. Им друг друга не жалко. Они это не понимают. Сергеев, когда вскрывал одного шакала, с трудом отыскал у него мозг.

Шакалы-зрители, как по команде, повернули морды к людям, которые ворвались на поляну. И Олегу показалось вдруг, что красные точки шакальих глаз смотрят на него с осуждением. Разве можно нападать всем вместе? Это же не по правилам.

Шакал, который все норовил захватить зубами нож, вдруг повалился на бок: из основания длинной шеи торчала стрела. Оказывается, Томас успел выстрелить, пока Олег соображал, что к чему. А Дик, словно ждал этого, тут же повернулся к остальным шакалам и бросился на них с копьем. Рядом с ними уже были Сергеев и тетя Луиза с тесаком и головешкой. Прежде чем шакалы поняли, что произошло, двое из них валялись мертвыми, тогда остальные помчались в чащу. Никто за ними не побежал. А Олег шагнул к Марьяне:

— С тобой ничего?

Марьяна плакала. Прижимала к груди шевелящийся мешок с грибами и горько плакала.

— Ну скажи, скажи! — испугался Олег.

— Меня перекаати-поле изжалило, — плакала Марьяна. — Теперь я буду рябая.

— Жаль, что вы так быстро прибежали, — сказал Дик, вытирая кровь со щеки, — я только во вкус вошел.

— Не говори глупостей, — одернула его тетя Луиза.

— Третий или четвертый тебя бы одолел, — добавил Сергеев.

По дороге к поселку Дика начало трясти, от шакальих зубов никому еще хорошо не бывало.

Все сразу ушли в дом к Вайткусу, сам Вайткус болел, лежал, а его жена Эгли достала из аптечки — ящика в углу — примочки и настой против шакальего яда, потом промыла рану Дика и велела ему спать. Марьяне смазали лицо жиром. Дик ушел. Через час-два лихорадка уляжется, а сейчас ему больно и плохо, он не хотел, чтобы другие это видели.

Эгли поставила на стол миску с сахаром, который вытапливают из корней осоки на болоте. Только они с Марьяной знали, как отличить сладкую осоку от обыкновенной. И еще малыши, которые чутьем знают, какая трава сладкая, а какую нельзя трогать. Потом Эгли разлила по чашкам кипяток, и каждый сам черпал ложкой густой серый сахарный кисель. У Вайткусов просто. К Вайткусам все любят ходить.

— Ничего страшного? — спросил Томас у Эгли. — Дик сможет идти?

— На нем, как на кошке, сразу заживает.

— Ты все-таки сомневаешься? — подал голос Сергеев.

— Я не сомневаюсь, — сказал Томас, — другого выхода нет. Ты предлагаешь ждать еще три года? Мы выйдем от скудности.

— Мы не выйдем, — сказал с койки Вайткус. Борода и копна волос на голове скрывали все лицо. Были видны только красный нос и светлые пятна глаз. — Мы окончательно одичаем.

— Одно и то же, — сказал Томас. — Попался бы мне Даниель Дефо. Жалкий враль.

Вайткус захохотал, словно закашлялся.

Олег уже слышал эти разговоры. Сейчас их вести — совсем уж пустое дело. Он хотел было пойти в сарай, где

Старый с учениками снимал шкуры с убитых шакалов, поговорить со Старым. Просто поговорить. Но потом поглядел на миску с сахаром и решил съесть еще немного. Дома они с матерью доели свою долю еще на позапрошлой неделе. Он зачерпнул сахару так, чтобы ложка была неполной. Ведь он сюда не обедаться пришел.

— Пей, Марьяшка, — сказала Эгли, — ты устала.

— Спасибо, — ответила Марьяна, — я грибы отмачивать положу, а то засохнут.

Олег разглядывал Марьяну, будто впервые увидел, даже ложку забыл поднести ко рту. У Марьяны губы как будто нарисованы — четко, чуть темнее к краям, удивительные губы, таких ни у кого больше нет во всем поселке. Хотя она немножко похожа на Сергеева. Совсем немного. Наверное, тоже похожа на мать, только ее матери Олег не помнил. А может быть, на своего деда. Удивительная вещь — генетика. Старый в теплице — яме за сараем, хозяйстве Марьяны — ставил для учеников опыты с горохом. Ну, правда, не с горохом, а со здешней чечевицей. Все сходилось, только с коррективами. Иные наборы хромосом, разумеется, иные. У Марьяны треугольное лицо, скулы и лоб широкие, а подбородок острый, так что глазам на лице места много, и они заняли все свободное место. И очень длинная шея, сбоку розовый шрам, с детства. К нему Марьяна привыкла, а из-за перекасти-поля переживает. Не все ли равно, есть ли у человека точки на лице или нет? У всех есть. А вместо бус у Марьяны, как у всех в поселке, веревка с деревянной бутылочкой противоядия.

— Представь себе, что поход кончится трагически, — сказал Сергеев.

— Не хотел бы, раз я в нем участвую, — отозвался Томас.

Вайткус опять засмеялся, забулькало где-то в середине бороды.

— Парни — Дик с Олегом — надежда нашего поселка, его будущее, — продолжал Сергеев. — Ты же, Томас, один из четырех последних мужчин.

— Приплюсуйте меня, — произнесла басом Луиза и начала громко дуть в чашку, чтобы остудить кипяток.

— Меня ты не убедишь, — покачал головой Томас. — Но если очень боишься, давай оставим Марьяну здесь.

— Я боюсь за дочь, да. Но сейчас разговор идет о более принципиальных вещах.

— Я пойду грибы намочу, — сказала Марьяна и легко поднялась.

— Кожа да кости, — уронила тетя Луиза, глядя на нее.

Проходя мимо отца, Марьяна дотронулась кончиками пальцев до его плеча. Тот поднял трехпалую ладонь, чтобы накрыть ею кисть Марьяны, но она уже убрала руку и быстро прошла к двери. Дверь открылась, впустив мерный шум дождя, и громко хлопнула. Олег чуть было не сорвался вслед за Марьяной. Но удержался, неудобно как-то.

Из второй комнаты вышел, нетвердо ступая, один из сыновей Вайткуса. Сколько ему? Первый родился той весной, а другой недавно, когда выпал снег. Значит, этому полтора года? А всего у Вайткусов шестеро детей. Мировой рекорд.

— Сахару, — сказал сердито ребенок.

— Я тебе покажу — сахару! — возмутилась Эгли. — А зубы у кого болят? У меня? А босой кто ходит? Я?

Она подхватила мальчишку и унесла его из комнаты.

Олег увидел, что его рука сама по себе снова зачерпнула ложкой сахару из миски. Он рассердился на себя и вылил ложку обратно. Пустую поднес ко рту и облизал.

— Давай я тебе еще кипятку налью, — предложила тетя Луиза. — Жалко мне ребят наших, всегда какие-то недокормленные.

— Сейчас еще ничего, — добавила Эгли, возвращаясь в комнату. Вслед ей несли басовитый рев Вайткуса-млад-

шего. — Сейчас грибы пошли. И витамины есть. Хуже с жирами...

— Мы сейчас пойдем, — произнесла тетя Луиза. — Ты бледная совсем.

— Ты же знаешь почему. — Эгли постаралась улыбнуться. Но улыбка получилась гримасой, как будто ей больно.

Эгли месяц назад родила ребенка, девочку, мертвую. Старый сказал, что ей уже поздно рожать. И организм истощен. Но она человек долга. Род должен продолжаться. «Понимаешь?»

— Спасибо за угощение, — сказала тетя Луиза.

— Как ты умудрилась раздаться, непонятно, — пожал плечами Томас, глядя, как громоздкое тело тети Луизы плывет к двери.

— Это я не от хорошей жизни распухла, — кинула Луиза, не оборачиваясь. В дверях она остановилась и сказала Олегу: — Ты от всех треволнений к Кристине забыл зайти. Они тебя ждут. Нехорошо.

Конечно. Как плохо! Он же должен был час назад зайти.

Олег вскочил.

— Я сейчас.

— Ну ладно. Я так, для дисциплины, — махнула рукой тетя Луиза. — Я сама загляну. Своих сирот накормлю и зайду.

— Не надо.

Олег выскочил на улицу следом за тетей Луизой. И тут вспомнил, что забыл поблагодарить Эгли за кипиток с сахаром: стало неловко.

Они пошли рядом, идти недалеко. Весь поселок можно оббежать за пять минут по периметру изгороди.

Дома под косыми односкатными крышами теснились, прижимались один к другому двумя полосками по обе стороны прямой дорожки, что резала поселок попо-